

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в.

В русской истории — в том виде, как она писалась дворянскими и буржуазными историками XIX в., — есть одно странное и вызывающее недоумение обстоятельство. Сильные характеры и яркие характеристики этих сильных характеров возникают в изложении ее только с XVI в.

Это особенно ясно уже у Карамзина. Карамзин ставил себе одной из главных задач раскрыть читателю „характер наших древних героев“. И при этом он признавался сам: „До сих пор (т. е. до XVI в.) я только хитрил и мудрил, выпутываясь из трудностей. Вижу за собою песчаную степь африканскую“.¹ Первым характером, на котором прерывалась эта „степь африканская“ для Карамзина, был характер Грозного. В письме к А. И. Тургеневу он сообщал: „Оканчиваю Василья Ивановича и мысленно уже смотрю на Грозного, какой славный характер для исторической живописи! Жаль, если выдам историю без сего любопытного царствования! Тогда она будет как павлин без хвоста“.²

Казалось бы Иван Грозный — первый сильный характер в русской истории. За ним следует ряд других: Борис, Самозванец, Гермоген...

Ту же мысль — об отсутствии ярких характеров в русской истории до Грозного находим мы и у В. О. Ключевского: „Исторические памятники XIV и XV вв. не дают нам возможности живо воспроизвести облик каждого из этих князей. Московские великие князья являются в этих памятниках довольно бледными фигурами, преемственно сменявшимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семена, другого Ивана, Димитрия, Василя, другого Василя. Всмотриваясь в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа. Все московские князья до Ивана III, как две капли

¹ М. Погоскин. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, М., 1866, т. II, стр. 87, письмо из Парижа 1790 г.

² Там же, стр. 119.